

С. Г. Осьмачко

Русская православная церковь и Вооруженные силы РФ

В статье рассмотрены основные проблемы взаимодействия Русской православной церкви с инстанциями Министерства обороны и ФСИН РФ; дана оценка положительных и негативных факторов религиозного проникновения в силовые структуры: проанализировано институциональное и идейно-теоретическое становление совместной религиозно-государственной деятельности, решение кадровых, методических и прочих задач.

Ключевые слова: РПЦ, Министерство обороны, ФСИН, православие, военные священники, религиозность военнослужащих, религиозность заключенных, вероисповедная политика, свобода совести, религиозные права верующих.

S. G. Osmachko

The Russian Orthodox Church and the Armed Forces of the Russian Federation

In the article are regarded the main problems of interaction of the Russian Orthodox Church with instances of the Ministry of Defence and FSIN of the Russian Federation are considered; the assessment of positive and negative factors of religious penetration into power structures is given: institutional and ideological and theoretical formation of the joint religious and state activity, the solution of personnel, methodical and other tasks.

Keywords: the Russian Orthodox Church, Ministry of Defence, FSIN, Orthodoxy, military priests, religiousness of the military personnel, religiousness of prisoners, religious policy, freedom of worship, religious rights of believers.

Деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в Вооруженных Силах (ВС) РФ. Цели и задачи религиозного проникновения. РПЦ рассматривает воцерковление военнослужащих в качестве одного из главных приоритетов своего социального служения. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, выступая в августе 2000 г. на Юбилейном архиерейском соборе РПЦ, определил следующие задачи церкви в армии: «создание условий для бесперебойной проповеди Слова Божия»; «создание походных и стационарных храмов»; «распространение духовной литературы»; «пастырское служение в войсках»; «сотрудничество с ВС в области патриотического воспитания» [1].

В данном случае можно выделить внешние и внутренние контуры целеполагания. К числу первых, формальных, относится демонстрация стремления РПЦ в какой-то мере заменить в частях и подразделениях политработников. В своих речах высшее духовенство достаточно часто рассуждает на темы военно-патриотического воспитания, специфики духовных и моральных проблем военных и т. д. Однако практика показывает, что церковные действия в этом направлении реально минимизированы, а уровень влияния РПЦ на моральное состояние войск продолжает оставаться на низком уровне [2].

Более весомым, но также достаточно формальным видится и такой мотив проникновения РПЦ в ВС, как обеспечение религиозных прав всех категорий военнослужащих. Здесь уместно вспомнить, что на данный момент количество военнослужащих имеет устойчивую тенденцию к сокращению, а из находящихся далеко не все являются верующими.

Думается, главной целью присутствия РПЦ в армии, по словам патриарха Кирилла, является установление такого порядка церковно-армейских взаимоотношений, при котором «жизнь воина приобрела бы духовное измерение»; иными словами, через евангелизацию воинов и военно-социальное служение установить значимый духовный контроль над военной организацией, поскольку «именно силой духа во все века была сильна великая русская армия» [3].

Таким образом, религиозное присутствие однозначно трактуется как источник силы и непобедимости российской армии. Репрезентация «выгоды» армии понятна и логична. А в чем же «выгода» РПЦ? Отметим следующее:

- преобладание православно ориентированного контингента предполагает привилегированное положение инстанций РПЦ;
- на региональном уровне у частей и отдельных подразделений Министерства обороны (МО)

РФ имеются (и иногда немалые) возможности помогать приходам материальными средствами, рабочей силой, транспортом, стройматериалами и пр.;

– РПЦ может более эффективно вести пропаганду своего учения в силу организованности и подчиненности армейских коллективов;

– сбор денежных средств в пользу церкви на территории воинских частей часто бывает весьма успешным и пр.

Все вышесказанное подводит нас к заключению об определенной схожести военной и церковной организаций, что, в свою очередь, облегчает возможность идейно-организационной диффузии церковных установок в среду военнослужащих; речь идет о жесткой иерархичности управления, строгой регламентации функционирования, особой роли дисциплины, о наличии формы, атрибуты, своеобразных режимов секретности (тайнственности) и, наконец, об особой роли духовного фактора.

Православная религиозность военнослужащих также характеризуется весьма неоднозначно. До 1997 г. число тех, кто относил себя к верующим, неуклонно возрастало, достигнув показателя в 48 %; с 1998 г. уровень начал несколько снижаться: в 2001 г. к верующим отнесли себя уже 36 % (из них 43 %, проходивших службу по призыву, 31 % старших и 26 % младших офицеров) [4].

Показатели религиозности растут, когда военнослужащим задается вопрос более общего характера – об их отношении к религии; к началу 2000-х гг. сторонниками православия выступали 84 % опрошенных военнослужащих, проходивших службу по призыву, и 54 % контрактников; всего за 1990–2002 гг. число сторонников православия возросло на 8 % [5]. Полагаем, что определенный рост религиозной сориентированности современных военнослужащих связан и с падением их образовательных кондиций.

В ВС неуклонно растет количество зданий и мест для осуществления религиозного культа: если к концу 1999 г. в частях и подразделениях МО имелось 117 храмов и часовен (для сравнения: в то же время в пограничных войсках их было 7, в МЧС – 20, в налоговой полиции – 1); в 2005 г. – 156 храмов и часовен (дополнительно нужды армии обеспечивали еще около 400 монастырских и приходских храмов, расположенных вблизи военных городков); то к началу 2011 г. – уже 208 храмов и часовен РПЦ [6].

В начале 2011 г. совместным решением МО РФ и патриарха была создана рабочая группа с

задачей «сформировать нормативно-правовую базу культовых объектов на территории МО, а также начать их учет и дальнейшую эксплуатацию в соответствии с требованиями законодательства». Сопредседателями группы стали заместитель министра обороны Н. А. Панков и председатель финансово-хозяйственного управления Московской патриархии (МП) епископ Подольский Тихон (Зайцев). В состав группы также вошли специалисты от церкви и от армии. К апрелю 2011 г. группа провела два заседания, а ее уполномоченные начали работу по регистрации и паспортизации культовых объектов [7].

Церковно-армейская материальная база пополнялась иногда довольно необычными способами. Так, Федеральная таможенная служба РФ регулярно передает РПЦ предметы религиозного культа (утварь, иконы, литература и пр.), изъятые при попытке их незаконного вывоза за границу. Церковь приняла решение приношения такого рода, не представляющие художественной, исторической или культурной ценности, передавать «главным образом священникам, по долгу службы часто бывающим в “горячих точках”, или окормляющим военнослужащих, которые принимают непосредственное участие в боевых действиях» [8].

Говоря выше о религиозности военнослужащих и о наличии в армии какого-то количества храмов и молельных комнат, мы не склонны принимать рост внешних количественных показателей распространения православия за показатель роста качества эффективности воспитательной работы с военнослужащими; данные системы оценок, обладая собственной логикой, не взаимосвязаны прямо пропорционально.

Армия и церковь: первые контакты и их развитие. Впервые священнослужители реально появились около армейского строя в начале 1990-х гг. Как правило, это были контакты среднего уровня, когда командование воинских частей, учреждений, учебных заведений постепенно нашупывал точки соприкосновения с местными церковными инстанциями, приходами, монастырями и т. п. Знаменательное событие произошло в 1992 г., когда из Кронштадта в дальний поход вышел учебный корабль «Гангут», на борту которого находился настоятель Владимирского собора отец Владислав.

В последующем, с 1992 г., в процесс военно-церковных взаимоотношений постепенно втягивались органы управления более высокого порядка (руководство видами ВС, родов войск; с

другой стороны – руководители Отдела внешних церковных связей, занимавшие важное место в церковной иерархии).

В октябре 1992 г. в стенах Военной академии Генерального штаба, при участии Православного Свято-Тихоновского богословского института, была проведена научно-практическая конференция, которая «стала первой попыткой теоретического обоснования необходимости тесного сотрудничества с Церковью» [9]. Факт проведения такой конференции свидетельствовал о взаимной заинтересованности в общении высших военно-политических и религиозных кругов.

8 июля 1993 г. высшие иерархи РПЦ и руководство МО встретились уже на высшем уровне. По итогам встречи митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и министр обороны П. С. Грачев заявили, что «церковно-армейские контакты должна координировать специальная комиссия» [10].

2 марта 1994 г. – важная дата в истории военно-церковных отношений – во время личной встречи патриарх Алексий II и министр обороны П. С. Грачев подписали совместное «Заявление о сотрудничестве ВС и РПЦ в научной, культурной, духовно-нравственной и благотворительной областях». В нем, в частности, говорилось: «Сотрудничество Церкви и Российской армии... послужит укреплению духовно-нравственных начал в жизни российского воинства, расширит возможности для реализации прав верующих военнослужащих, поможет решить многие насущные проблемы, стоящие перед Российскими Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью» [11].

По итогам этой встречи был создан Координационный комитет по взаимодействию между ВС РФ и РПЦ, который уже на первом заседании принял соответствующую Концепцию.

Предполагалось, что Координационный комитет станет площадкой взаимодействия основных религий и основных силовых структур. Однако этого не произошло: в августе 1994 г. в состав Координационного комитета вошли представители силовых министерств и ведомств, но их участие оказалось неэффективным. Позже все они заключили с РПЦ прямые соглашения о сотрудничестве: в марте 1995 г. – Федеральная пограничная служба, в апреле 1995 г. – МЧС, в мае 1995 г. – ФАПСИ и др.; уже в 2000-е гг. будут созданы Синодальные отделы по тюремному служению и для окормления казачества.

В апреле 1994 г. на заседании Коллегии МО РФ было принято решение о введении в штат ряда воинских структур должностей офицеров по связям с религиозными организациями (в составе Главного управления воспитательной работы, в ряде других органов были созданы отделы по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями; введены соответствующие штатные офицерские должности; в частях данная работа была возложена на командиров и их заместителей по воспитательной работе).

Так же в апреле 1994 г. патриарх направил руководителям синодальных учреждений, епархиальным преосвященным и руководителям духовных школ письмо, в котором представил программу претворения в жизнь задач участия РПЦ в жизни российского воинства. В ней предусматривалось:

- посещение священнослужителями военных гарнизонов, расположенных на территории каждой епархии;
- проведение с военнослужащими духовно-просветительских бесед, совершение богослужений, таинств и треб;
- содействие ВС в проведении призыва на военную службу (встречи с призывниками, в ходе которых предполагалось раскрывать традиционное учение православной церкви о высоком долге защитника Отечества).

18 июля 1995 г. определением Священного Синода был сформирован Отдел по взаимодействию с ВС и правоохранительными учреждениями (после чего деятельность Координационного комитета была полностью свернута, хотя синодальная инстанция вряд ли могла заменить межведомственную). Днем образования отдела считают 6 октября 1995 г., когда был принят его Устав. В соответствии с требованиями этого документа, главной задачей отдела является «осуществление взаимодействия МП с ВС и правоохранительными учреждениями, координация и практическое осуществление пастырской и духовно-просветительской деятельности среди военнослужащих, сотрудников правоохранительных учреждений, членов их семей, а также лиц, находящихся в местах лишения свободы» [12].

Отдел (с 7 мая 2003 г. его возглавляет протоиерей Д. Смирнов) имеет в своем составе 10 секторов, 6 из которых отвечают за связи с конкретными родами войск и правоохранительными учреждениями. Были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве с Сухопутными войсками, ВМФ, ВВС, ВДВ, МВД, Внутренними

войсками МВД, Главным управлением казачьих войск и с ветеранскими организациями (в 2010 г. будет создан специализированный синодальный отдел по взаимодействию с казачеством) [13].

20 апреля 2000 г. тогдашний глава отдела епископ Красногорский Савва, отчитываясь в Синоде, отметил, что «в настоящее время отдел получает помощь и поддержку со стороны руководства, передовых офицеров, ответственных за воспитательную работу. Руководство силовых министерств убедилось в том, что деятельность священников среди личного состава благотворно влияет на дисциплину и психологический климат в коллективах, помогая предотвратить или минимизировать существовавшие и существующие, к сожалению, негативные явления, как-то: неуставные взаимоотношения в армии, нарушения режима в исправительных учреждениях».

На епархиальном уровне РПЦ начала создавать такие же отделы; кроме того, на местах православное окормление военных верующих осуществляли более 400 приходских священников, а к началу 2006 г. – более 2 тыс. [14].

4 апреля 1997 г. увидел свет новый программный документ: министр обороны И. Родионов и патриарх Алексей II подписали «Соглашение о сотрудничестве», цели которого определены следующим образом:

- содействие возрождению государственно-патриотической идеи как основополагающей нравственной ценности военнослужащих и духовной основы воспитательной работы;
- укрепление морально-психологического состояния личного состава ВС РФ;
- укрепление традиций верного служения Отечеству и духовно-нравственных начал в жизни воинских коллективов;
- совершенствование воспитательной работы с военнослужащими и членами их семей;
- содействие созданию и совершенствованию системы военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки;
- расширение возможностей для реализации прав верующих военнослужащих;
- содействие процессу гуманизации внутриармейских отношений [15].

В целях реализации указанного соглашения в войска была направлена директива министра обороны, в которой ставилась задача «спланировать, организовать и поддержать взаимодействие с религиозными объединениями, прежде всего с РПЦ» [16].

Логично, что столь резкое расширение контактов армии и церкви немедленно выявило недостатки как православной культуры всех категорий военнослужащих, так и военно-профессиональной культуры священнослужителей. В целях *повышения культуры взаимодействия МО и РПЦ осуществлялось следующее:*

а) повышение православной культуры военнослужащих:

– в 1992 г. Свято-Тихоновский богословский институт приступил к подготовке кадров военного духовенства: 7 офицеров из МО, ФАПСИ и погранвойск были зачислены на первый курс вечернего отделения богословско-пастырского факультета; в 1994 г. в этом же вузе (в ранге университета) был создан учебно-методический центр духовного образования военнослужащих, где вначале были организованы одногодичные катехизаторские курсы, на которые набрали 12 офицеров – преподавателей военных академий; позднее – осенью 1995 г. – курсы стали двухгодичными, а потом – четырехгодичными, где обучающиеся получали дополнительное образование по специальности «военные катехизаторы»;

– с 1996 г. в Военной академии им. Петра Великого начал действовать факультет православной культуры;

– в 1994 г. вышло в свет первое специализированное издание («Армия и религия»), предназначенное в помощь офицерам, работающим с верующими военнослужащими;

– с января 2003 г. центральный печатный орган МО РФ газета «Красная звезда» стала выходить с ежемесячным приложением «Победа, Победившая Мир» (4 полосы, 50 тыс. экз.), которое готовилось совместно редакцией и Синодальным отделом по взаимодействию с ВС и правоохранительными органами и получило благословение патриарха; это издание оказалось очень полезным для тех, кто занимался решением проблем национально-религиозной самоидентификации;

– в 2004–2005 гг. для оптимизации сотрудничества армии и РПЦ были проведены следующие мероприятия: научно-практическая конференция «Российский патриотизм. Истоки, современность, проблемы возрождения и развития»; всероссийская научно-практическая конференция «Отечество. Армия. Церковь»; заседание секции «Духовное просвещение в армии и правоохранительных учреждениях» в рамках XIII Международных Рождественских образовательных чтений (на базе Военной академии Генерального штаба); заседание секции Всероссийских Глинских чте-

ний «Долг служения Отечеству»; инструкторско-методическое занятие с офицерами, ответственными за взаимодействие с религиозными объединениями, и мн. др. [17];

б) развитие военно-профессиональной культуры священнослужителей:

– в 2005 г. в силовых структурах трудились более 2 тыс. православных священников. Получила распространение практика проведения с ними ежегодных Всероссийских учебно-методических сборов духовенства, окормляющего военнослужащих ВС РФ. Первый сбор проходил в течение трех дней в июне 2003 г. на базе Рязанского института ВДВ; на сборе были представлены 124 священника из 37 епархий и 18 представителей МО РФ;

– второй учебно-методический сбор руководителей епархиальных отделов по взаимодействию с ВС и правоохранительными органами проходил 26–27 января 2005 г. в военном городке Власиха близ Одинцово на базе гарнизона штаба РВСН и ракетной дивизии. Одновременно эти сборы, как уже отмечалось, являлись заседанием секции XIII Международных Рождественских чтений; присутствовал 391 чел., в том числе 195 священнослужителей РПЦ из 56 российских епархий. Выступивший на сборе председатель синодального отдела по взаимодействию с силовыми структурами протоиерей Д. Смирнов, в частности, сказал: «Мы рыхлим почву для принятия политического решения, чтобы у нас, как в Европе, официально было военное духовенство»;

– третий сбор состоялся летом 2005 г. в Улан-Удэ; главными темами стали «Христианская миссия в армии» и «Участие Церкви в формировании духа армии» [18].

В конце 2000-х гг. во весь рост встала *проблема создания института военного духовенства*. Прежде всего, напомним, что в дореволюционный период в армии Российской империи существовала эффективная и разветвленная система церковного представительства в лице военных священников. После победы большевиков ситуация кардинально изменилась: 18 января 1918 г. приказом наркома по военным делам Н. И. Подвойского № 39 служба военных священников была упразднена [19].

В 1990-е гг., в силу расширения присутствия церкви в ВС, задача военной подготовки священников встала во весь рост. Но армия встретила тему нарождающегося профессионального духовенства в своих рядах довольно настороженно. Проведенные социологические исследования по-

казали, что за введение этого института выступили 37 % военнослужащих, а категорически против – 18 % (в том числе 34 % старших офицеров) [20]. Последний показатель объясняется, очевидно, тем, что старшие офицеры – представители того поколения военнослужащих, которые еще в ходе получения профессионального образования получили действенную атеистическую установку.

Но в данном случае есть и иные проблемы. Во-первых, идея введения военного духовенства в определенной мере несовершенна с законодательной точки зрения. С одной стороны, из-за того, что «нарушает законодательство о свободе совести и способствует клерикализации армии» [21]. С другой стороны, из-за общего несовершенства российского законодательства. Подсчитано, что для юридического оформления статуса военного духовенства потребуется внести изменения более чем в сорок нормативно-правовых актов, касающихся деятельности ВС [22], обновить Общевоинские уставы и пр.

Во-вторых, каков будет статус будущих «российских капелланов»? Очевидно, их следует отнести к гражданскому персоналу МО. То есть, по уровню заработной платы, льготам и привилегиям военные священники будут серьезно проигрывать военнослужащим, и их статус вряд ли будет расти. Например, заведующий сектором ВДВ Синодального отдела по взаимодействию с ВС и правоохранительными учреждениями протоиерей М. Васильев заявил: «Зарплата военного священника, по последним данным, будет составлять 7600 рублей» [23].

В-третьих, как будут сочетаться обязанности военного священнослужителя и помощника командира по работе с верующими военнослужащими?

В-четвертых, как организовать служебный режим деятельности военного священника, если пик его религиозной деятельности приходится на внеслужебное время?

В-пятых, рост религиозной мотивированности армии вызывает серьезное сопротивление у либерально настроенной части общества. В данном контексте религиозно ограниченный тип военнослужащего архаичен; альтернативой ему видится развитый воин-контрактник – более независимый и более требовательный в отношении военной службы, своих прав и пр.

В-шестых, многих возмущает сам факт закладывания в военный бюджет средств на содержание военного духовенства, финансирование его

деятельности, в процессе которой будут системно решаться задачи воцерковления воинов армии и флота, членов их семей и пр.

Видимо, не случайно 25 ноября 2003 г. начальник Главного управления воспитательной работы ВС генерал-полковник Н. Резник подчеркнул «напрасность надежд на возрождение в армии института военных капелланов» [24].

С момента обретения особой гражданской свободы в постсоветское время РПЦ постоянно ставила перед собой задачу максимального проникновения в армию, в силовые структуры, предполагая, что лучший путь в этом направлении – создание института военного (специализированного) духовенства. Шаг за шагом церковь двигалась именно этим путем.

11 апреля 2006 г. увидело свет Заявление Священного Синода РПЦ «О восстановлении института военного духовенства в Российской армии», в котором говорилось: «Священный Синод РПЦ поддерживает восстановление института военного духовенства в Российской армии... К сожалению, до сих пор в российском законодательстве отсутствует механизм реализации военнослужащими права на свободу вероисповедания... Возрождение института военного духовенства способно приносить пользу государству и обществу» [25].

Работа в этом направлении продолжалась, о чем РПЦ не уставала напоминать устами своего предстоятеля. 29 мая 2009 г. патриарх Кирилл выступил перед молодежью в Ледовом дворце Санкт-Петербурга; ему был задан вопрос о наиболее предпочтительном для Церкви формате работы в армии. Отвечая, патриарх отметил, что в большинстве стран мира религиозные организации работают в армии; а для России, с учетом ее исторического прошлого, именно создание военного духовенства обеспечит традиционную «пастырскую заботу о военнослужащих» и «регулярное духовное попечение» о них [26].

В какой-то момент государство решило откликнуться на призывы церкви. 21 июля 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев в Барвихе объявил, что принял предложение ряда «традиционных религиозных объединений (и в первую очередь РПЦ) возродить институт военного духовенства». Президент определил два этапа этого процесса: вначале военные священники появятся в воинских частях Российской армии, дислоцированных за рубежом; а позже – с 1 января 2010 г. священники будут назначаться во все части ВС от бригады и выше.

Д. А. Медведев также отметил, что если среди личного состава воинской части будет присутствовать более 10 % представителей, относящихся к народам какой-то традиционной конфессиональной ориентации, «то священник данной конфессии может быть включен в штат», поскольку военнослужащие «имеют право получать духовную поддержку в соответствии со своими воззрениями»; также было сообщено, что «воинские и флотские священники должны оставаться гражданскими лицами» [27].

В дальнейшем мы можем наблюдать ряд организационных действий военной бюрократии и церковной администрации, направленных на институциональное оформление корпуса военного духовенства.

С 1 декабря 2009 г. в ВС была введена должность помощника командира воинской части по работе с верующими военнослужащими; в МО был создан аналогичный отдел, первым руководителем которого стал полковник запаса Б. М. Лукичев [28]. В 2011 г. отдел повысил свой статус до одноименного управления. В военных округах в управлениях по работе с личным составом формировались отделения, в которые входили начальник отдела (гражданское лицо) и три священнослужителя. В соединениях и учреждениях вводилась должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими.

Сначала предполагалось, что руководить этими структурами будут лица духовного звания. Начальник отдела патриотического воспитания и работы с общественными организациями Главного управления воспитательной работы полковник И. Сергиенко заявил, что в высших эшелонах это, скорее всего, будет представитель РПЦ. Через несколько дней то же лицо заявило, что «руководитель управления необязательно будет принадлежать к духовному сословию» [29]. Иными словами, концепция создания корпуса военного духовенства рождалась на ходу.

Планировалось учредить в армии 240 должностей священнослужителей и 9 гражданских служащих. В частях, как уже говорилось выше, мог появиться православный священник, мулла, раввин или лама (определялось 10 %-м барьером этнорелигиозной сориентированности). Патриарх Кирилл по этому поводу скромно заметил, что «в большинстве это будут православные священники» [30].

Первым штатным военным священнослужителем в новейшей отечественной истории стал А. Бондаренко (в прошлом – капитан 2-го ранга,

а при назначении – протоиерей), который в мае 2010 г. был назначен помощником командующего Черноморским флотом по работе с верующими военнослужащими [31].

Протоиерей Д. Смирнов в это время много и охотно рассуждал о перспективах устройства института военного духовенства:

– во-первых, он определил следующие критерии отбора священнослужителей для армии (он должен представлять одну из традиционных религий России; иметь санкцию своего духовного руководства на подвиг воинского служения; лично желать трудиться в армии; отличаться высокими нравственными качествами и безукоризненным поведением; иметь необходимую пастырскую и богословскую подготовку) [32];

– во-вторых, он назвал кадровые источники для пополнения штата военных священников. Так, на базе Рязанского военного института ВДВ будет создан специальный факультет для подготовки армейского духовенства (предполагалось, что он будет внеконфессиональным, то есть учиться на нем будут представители всех основных религий); далее – предполагалось, что военными священниками могут стать верующие офицеры после специальной подготовки, а также священнослужители, имеющие личный опыт военной службы;

– в-третьих, протоиерей Д. Смирнов определил некоторые формы практической работы будущих военных священников: помощь военнослужащим в реализации их права на свободу вероисповедания; совершение богослужений и таинств; проведение духовно-нравственных бесед, религиозное просвещение и обучение основам религиозной культуры; участие в мероприятиях патриотического характера; укрепление воинской дисциплины; реабилитация травмированных военнослужащих; в военное время – помощь раненым, последнее утешение умирающих, ободрение идущих в бой и поддержка воинства в духовном и морально-психологическом аспектах.

Особенно отметим щепетильность главы Синодального отдела по взаимодействию с ВС и правоохранительными органами относительно прозелитизма. Протоиерей Д. Смирнов утверждает: «Военный священнослужитель призван работать только с теми военнослужащими, которые желают этого. Он должен проявлять особое внимание к солдатам и офицерам, исповедующим другую религию, организовывать по их просьбе встречи с представителями соответствующих религиозных организаций» [33].

Первый начальник управления по работе с верующими военнослужащими Б. М. Лукичев следующим образом дополняет позицию протоиерея Д. Смирнова:

– во-первых, он определяет, каким образом будут координировать свою деятельность военный священник и офицер-воспитатель: «Функции священника и офицера-воспитателя не исключают и не замещают, а гармонично дополняют друг друга. Задача первого – воспитывать и настраивать людей на выполнение боевой задачи теми средствами и способами, которые уже доказали свою эффективность. А священник в данном случае вносит в эту работу нравственную составляющую, обогащает и делает более действенной всю систему работы с личным составом»;

– во-вторых, уточняет некоторые организационные условия функционирования военного священника в воинском коллективе: «Командир части обязан обеспечивать священнику рабочее место, как и место для проведения богослужений (это может быть отдельно стоящий храм, часовня, или храм, встроенный в здание на территории воинской части). Время работы священника зависит от конкретных обстоятельств и закрепляется в расписании дня и в расписании занятий» [34].

Моральный авторитет военного духовенства, безусловно, мог бы улучшить нравственный и деловой облик современных ВС, помочь в преодолении неблагоприятных явлений в жизни армии (жестокость, неуставные взаимоотношения, коррупция и пр.). Но в последние годы, возможно, из-за социально-экономического кризиса, расходы на содержание ВС были сокращены; штатные сокращения привели к полной ликвидации воспитательных структур; соответственно, в долгий ящик были отложены и программы создания военного духовенства.

Правовое обеспечение религиозного проникновения в ВС. Выше были описаны некоторые проблемы создания в ВС РФ института военных священников. И эти процессы, и ряд других, связанных с религиозной ситуацией в армии, явно недостаточно обеспечены в правовом отношении. Прежде всего, следует упомянуть преимущественное положение РПЦ в системе современных общественных отношений, что подвергает серьезным искажениям такие конституционные принципы вероисповедной политики, как светскость государства; равенство религиозных организаций перед законом; недопустимость конфессиональной дискриминации; гарантированность свободы совести, свободы вероиспове-

дания и пр. Самой РПЦ в некотором смысле «выгодно», чтобы базовые подзаконные акты по военно-конфессиональным проблемам имели общий и расплывчатый характер; это позволит сохранять статус-кво и далее.

В настоящее время нормы отношений армии и религии фиксируют следующие акты:

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, статья 8 которого гласит:

«1. Военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица.

2. Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально.

4. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов.

5. Создание религиозных объединений в воинских частях не допускается. Религиозные обряды на территории воинских частей могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира».

С одной стороны, в данной статье просматривается стремление максимально возможно соблюсти личные права верующих военнослужащих; устроить дело таким образом, чтобы реализация этих прав одними гражданами не нарушала права и свободы других граждан; определить порядок участия воинов в религиозных действиях и пр.

С другой стороны, в статье вовсе не определяются правила религиозной работы с военнослужащими, находящимися, например, в дисциплинарной воинской части; не содержатся конкретные обязанности командиров и начальников по реализации прав верующих, не уточнен служебный порядок реализации этих прав.

В таком виде «эта статья содержит настолько общие и неясные положения, что они не могут служить эффективным руководством при решении командирами воинских частей практических задач по реализации прав верующих военнослужащих» [35]. Тем самым на командира возлагается избыточно большая ответственность и самостоятельность в данном вопросе; далеко не

каждый современный руководитель обладает соответствующими культурой, знаниями и опытом.

В целях завершения темы духовно-религиозной жизни военнослужащих в дисциплинарной воинской части отметим, что в приказе МО № 30 от 29 июня 1997 г., которым были утверждены «Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими», об их религиозных правах вовсе не говорится. Хотя в ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ права верующих, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы, определены четко и лапидарно.

В федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125 от 26 сентября 1997 г. содержатся следующие положения:

– ст. 4, п. 4: «Военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии»;

– ст. 6, п. 2: «Запрещается создание религиозных организаций в воинских частях»;

– ст. 16, п. 4: «Командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях».

Нетрудно заметить, что оба вышеупомянутых закона в отношении религиозных проявлений в армии содержат положения, явно требующие деловой конкретизации; в противном случае эти несколько устаревшие и противоречивые нормы могут серьезно затруднить работу командования. Возьмем, к примеру, запрет на создание религиозных объединений в воинской части. Военнослужащие имеют право «участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении обязанностей военной службы» (ст. 9 закона «О статусе военнослужащих»). Но, как известно, в РПЦ сложилась однозначная практика, когда военнослужащие удовлетворяют свои религиозные потребности не только в близлежащих храмах, но и в храмах прямо на территории воинской части. Думается, что здесь (и не только) мы имеем дело не просто с формально-незначимым разночтением нормативного текста.

В определенной мере эти же оценки вполне подходят для нормативной базы, содержащейся в Общевоинских уставах ВС РФ. 14 февраля 1993 г. Президент РФ своим указом утвердил их текст. В обязанности заместителя командира по воспитательной работе там вменено «организовывать и проводить воспитательную работу с личным со-

ставом с учетом национальных и психологических особенностей, уровня образования и отношения к религии каждого военнослужащего».

В Уставе внутренней службы ВС РФ 2007 г. записано:

– ст. 9: «Никто не вправе ограничивать военнослужащих в правах и свободах, гарантированных Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом, федеральными законами»;

– ст. 74: «Командиры (начальники) ... обязаны, воспитывая военнослужащих, учитывать их национальные чувства, вероисповедание».

Это бесспорные, но совершенно неконкретные положения, совершенно лишённые инструктивного, делового начала.

В определенной мере исправляют эти недочеты (в том числе, ранее отмеченные) требования ст. 27 Устава гарнизонной, комендантской и караульной служб ВС РФ 2011 г., где записано: «Военнослужащий, подвергнутый дисциплинарному аресту, имеет право ... отправлять религиозные обряды на гауптвахте, иметь при себе религиозную литературу, предметы религиозного культа, соблюдая установленные правила и не ущемляя права других военнослужащих».

Думается, организационно-деловое развитие содержания всех перечисленных статей законов, уставов произойдет тогда, когда общество столкнется с новым витком клерикализации военной сферы. Тогда и сбудется благое пожелание протоиерея В. Чаплина: «Фиксация этих моментов в действующем праве и административной практике поможет многим и многим, но вряд ли реально ущемит чьи-либо свободы» [36].

Проблемы и перспективы взаимодействия РПЦ и ВС РФ. Подводя итоги рассмотрения сложных процессов военно-религиозных отношений, отметим, что в данном аспекте важна структурно-методологическая определенность. Два актора – армия и церковь – могут анализироваться на общесоциологическом (историко-культурном), институциональном, групповом и личностном уровнях. С учетом нормативно-правовой неурегулированности всей системы отношений важно не допускать логических «перескоков» с уровня на уровень; будет явно некорректно апеллировать к историческому опыту, если он не коррелируется с современными условиями; не стоит давать личностно ориентированных оценок системным проявлениям взаимодействия армии и церкви.

С начала 1990-х гг. РПЦ не просто получила доступ в ВС, но и начала активно завоевывать

это социальное пространство. Тех, кто обеспокоен «клерикализацией армии», следует успокоить: современное присутствие РПЦ в ВС вовсе не избыточное.

Отношения армии и религии затрудняют следующие факторы:

– правовая неопределенность механизма взаимоотношений и реализации прав верующих военнослужащих;

– почти полная неинституционализированность церковного присутствия, неразвитость организационных и информационных систем современного типа в этой сфере;

– отсутствие необходимых кадров; загруженность священников, окормляющих верующих военнослужащих, в своих приходах; последнее существенно ослабляет катехизаторскую и миссионерскую работу церкви в армии;

– сложность субъективного фактора, когда религиозная ситуация в конкретной воинской части зависит от личной позиции командира, степени его персональной религиозности;

– изменения в отношении к религии всей массы военнослужащих (уже не раз отмечалось, что религиозный бум 1990-х гг. в 2000-е гг. сменился религиозным откатом [37]);

– слабая научная проработка проблематики свободы слова и вероисповедной политики в армейских условиях;

– столкновение интересов военной бюрократии и церковной иерархии (несоответствие целей и уровня практической реализации задач сотрудничества; стремление с выгодой для себя консолидировать финансово-экономические резервы; межконфессиональные отношения и пр.).

Исторический опыт военного реформирования убедительно свидетельствует в пользу позитивной преемственности всего того, что положительно зарекомендовало себя в прошлом. Отрицать значимость влияния РПЦ на повышение обороноспособности государства – особенно в феодально-имперский период – невозможно. Вся отечественная история наполнена церковным участием, в том числе, в направлении формирования морального духа российского воинства. И сегодня православие может стать верным помощником командования в воспитании военнослужащих, поскольку:

– религия обуславливает абсолютность моральных предписаний;

– в религии всегда присутствует идеальный пример;

– в религии существует постоянный «контроль» за качеством исполнения норм и предписаний;

– в религии до самого высшего уровня воздействия на сознание доведены санкции – меры поощрения и наказания;

– религия никогда не отказывает оступившему человеку в праве на исправление;

– в религии таинство покаяния резко усиливает эффективность нравственного воспитания;

– религия учит человека не бояться смерти [38].

Возможна точка зрения, основанная на том, что в армии высоко развитого и демократического государства деятельность церкви строго регламентирована законом. Безусловно, это верно, как и то, что в этих же странах церковь присутствует в армии (и не только в армии) в значительно большей степени, чем в современной России. Поэтому значимые позитивные наработки в области сотрудничества ВС и РПЦ, которые, невзирая на откаты и приливы государственной политики, имели место, заслуживают особого внимания.

В этом отношении сошлемся на два следующих документа:

1. 24 января 2010 г. Министр обороны утвердил «Положение по организации работы с верующими военнослужащими ВС РФ», в п. 13 которого перечислены следующие задачи должностных лиц:

– организация и проведение религиозных обрядов, церемоний и удовлетворение религиозных потребностей личного состава ВС;

– организация и проведение духовно-просветительской работы;

– участие в мероприятиях, проводимых органами военного управления, в целях патриотического и духовно-нравственного воспитания;

– участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий.

2. В уже упоминавшемся выступлении заместителя начальника Главного управления воспитательной работы генерал-лейтенанта В. Н. Богуславского на XIII Международных Рождественских чтениях в январе 2005 г. дана развернутая характеристика следующих направлений сотрудничества ВС и РПЦ:

– проведение совместных мероприятий, связанных с историческими знаменательными дата-

ми в жизни государства, ВС РФ, вида ВС, рода войск, соединения, воинской части;

– участие священнослужителей в торжественных мероприятиях вручения Боевых Знамен воинским частям, приведения молодого пополнения к Военной присяге, распределения его по подразделениям, вручения боевого оружия, проведения годового праздника воинской части;

– выступления представителей духовенства перед военнослужащими, гражданским персоналом и членами их семей с беседами на исторические, нравственные и другие социально-значимые темы;

– проведение совместных научно-практических конференций, семинаров по проблемам духовно-нравственного воспитания, профилактики суицидальных явлений;

– помощь в комплектовании библиотек воинских частей литературой духовно-нравственного содержания;

– проведение акций милосердия и гуманитарной помощи для военнослужащих, находящихся на излечении в госпиталях, и членов семей погибших военнослужащих;

– участие священнослужителей в мероприятиях по отдаванию воинских почестей при возложении венков к памятникам и могилам воинов, павших в боях за свободу и независимость Отечества, при погребении военнослужащих;

– совместная работа по приведению в надлежащий порядок мест захоронений защитников Отечества, памятников, мемориальных знаков, а также по сохранению достойной памяти о павших [39].

«Служение в армии ... требует от человека цельного мировоззрения, основанного на ясной и последовательной иерархии ценностей, – заключил патриарх Алексий II, – только в этом случае стране могут быть гарантированы законность, мир и порядок. Поэтому деятельность РПЦ в ВС ... приобретает огромную важность, Перед Церковью стоит важнейшая задача нравственно-патриотического воспитания военнослужащих» [40].

Примечания

1. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ 13–16 августа 2000 г. [Текст] // Безопасность Евразии. – 2000. – № 2. – С. 218.

2. Филатов, С. Б. Патриарх Кирилл – два года планов мечтаний и неудобной реальности [Текст] // Православная церковь при новом патриархе. – М.: РосСПЭН, 2012. – С. 45.

3. Пчелинцев, А. В. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия [Текст] // Там же. С. 230; Журнал Московской патриархии. – 2010. – № 2. – С. 77.
4. Веремчук, В. И. К вопросу о взаимодействии военной службы и религии [Текст] // Социс. – 2003. – № 12. – С. 85.
5. Певень, Л., Груздов, В. Много ли верующих в армии? [Текст] // Религия и право. – 2000. – № 4. – С. 12.
6. Каневский, К. Религиозный ренессанс в России. Проблемы государственно-конфессиональных отношений [Текст] // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 63; Лукичев, Б. М. Священники идут в армию [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 4. – С. 49; Рогоза, В. «Жизнь положить за друзей своих». Русская православная церковь и безопасность государства: история и современность [Текст] // История. (Приложение к газете «Первое сентября»). – 2003. – 1–7 августа. – № 29. – С. 9.
7. Лукичев, Б. М. Указ. соч. [Текст]. – С. 49.
8. Иконы вернулись в храм [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 1. – С. 87.
9. Рагоза, В. Указ. соч. [Текст]. – С. 8.
10. Там же.
11. Церковь и армия [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2005. – № 5. – С. 25.
12. Митрохин, Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст]. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 329.
13. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви состоялся 2 февраля в Москве [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 3. – С. 34.
14. Церковь и армия [Текст]. – С. 28.
15. Веремчук, В. И. Указ. соч. [Текст].
16. Религиоведение : энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Академический проект, 2005. – С. 876.
17. Армия и религия : информационное пособие-справочник для офицеров частей и кораблей о религии и воинской службе [Текст]. – М.: Воениздат, 1994. 187 с.; Воскресная школа. – 2005. – Ноябрь. – № 43/44. – С. 14; Рагоза, В. Указ. соч. [Текст]. – С. 8; В целях духовного воспитания. Выступление первого заместителя начальника Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил РФ генерал-лейтенанта Виктора Николаевича Бусловского на пленарном заседании XIII Международных Рождественских чтений [Текст] // Красная звезда. – 2005. – 25 февраля. – С. 3.
18. Вторые сборы военного духовенства [Текст] // Красная звезда. – 2005. – 25 февраля; Церковь и армия [Текст]. – С. 28; Поросков, Н. Честь рясы. В российской армии появляется военное духовенство [Текст] // Время новостей. – 2005. – 31 января. – С. 4.
19. Лукичев, Б. М. Указ. соч. [Текст]. – С. 49.
20. Веремчук, В. И. Указ. соч. [Текст]. – С. 85.
21. Религиоведение [Текст]. – С. 877.
22. Мурзин, Е. Батюшки особого назначения. В Российской армии появились военные священники [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2010. – № 2. – С. 76.
23. Там же.
24. Митрохин, Н. Указ. соч. [Текст]. – С. 337.
25. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви о восстановлении института военного духовенства в российской армии [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2005. – № 5. – С. 19.
26. Журнал Московской патриархии. – 2009. – № 7. – С. 56–57.
27. Президент России Д. Медведев встретился с лидерами религиозных организаций [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2009. – № 9. – С. 68–69.
28. Пчелинцев, А. В. Указ. соч. [Текст]. – С. 241.
29. Мурзин, Е. Указ. соч. [Текст]. – С. 74–75.
30. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви состоялся 2 февраля в Москве [Текст]. – С. 27.
31. Главное – это молитва за паству [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 4. – С. 50–51.
32. В армии не должны ущемляться ничьи интересы... [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2009. – № 10. – С. 63; Мурзин, Е. Указ. соч. [Текст]. – С. 75; Смирнов, Д. (протоиерей). В атмосфере полного взаимопонимания [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 4. – С. 47.
33. Смирнов, Д. Указ. соч. [Текст]. – С. 47–48.
34. Лукичев, Б. М. Указ. соч. [Текст]. – С. 46–48.
35. Пчелинцев, А. Актуальные проблемы свободы вероисповедания и деятельность религиозных объединений [Текст] // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 108.
36. Чаплин, В. (протоиерей). Закон и церковно-государственные отношения в России: позиция Православной Церкви, ход общественной дискуссии, влияние зарубежного опыта [Текст] // Церковь и время. – 2001. – № 4. – С. 80.
37. Митрохин, Н. Церковь после кризиса [Текст] // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 5. – С. 266.
38. Симухин, Г. С. Заключение [Текст] // Григорьев, А. Б. Вера и верность: Очерки из истории отношений Русской Православной церкви и Российской армии. – Жуковский; М.: Кучуково поле, 2005. – С. 456–457.
39. В целях духовного воспитания [Текст]. – С. 3, 5.
40. Доклад Патриарха Московского и всея Руси на Архиерейском Соборе [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 2004. – № 10. – С. 59.